

Божья гроза

Окаймленное высокими снежными горами и лишенное ближайших соседей осетинское село Тиби представляло несколько лет тому назад независимое владение, полновластным хозяином которого являлся Кико Тотошвили. В середине деревни возвышались стройные замки числом 14, и в одном из них, наиболее неприступном, жил сам владелец маленького княжества. В этом уединенном от все царстве населенник не дробилось по сословиям и религиям: все были равны, питались ячменным хлебом, жили одинаково просто, руководясь старинными обычаями и верованиями. Единство, братство и любовь составляли скрепляющие узы тибского общества, но еще больше членов этого общества связывали обязанности кровной мести. С родственника и друга равно взыскивалась кровь и на них неумолимо распространялась священная месть. Один только исход оставался для спасения от беспощадной мести: подлежащий кровному мщению мог покинуть свою деревню и объявить себя абреком, разбойником.

Наступает день, когда скромный стол Кико Тотошвили заменяется пышным пиром, на котором бесконечно осушаются турьи рога, наполненные аракой; замок его, объятый прежде таинственным молчанием, оживляется несмолкаемым говором, который нередко прерывается веселыми осетинскими песнями и жалобной игрой на семиструнной «пандури». Перед воротами замка стоят готовые статные горские лошади, прислуга и толпа оруженосцев носятся взад и вперед, гости все, возбужденные, гогочут.

Сегодня в замке Кико празднуется свадьба. Он выдал свою пятнадцатилетнюю дочь, красавицу Гано, за Сави, ночкавского узденя. Сави был засватан, когда Гано раскачивали еще в люльке, а теперь, когда ей исполнилось 15, а ему 17 лет, устроили торжественную свадьбу. Сави любил Гано, а Гано - Сави, и, конечно, счастливых жених не задумался уплатить Кико Тотошвили калым (выкуп за невесту): 25 коров, три лошади, пять овец и много серебра, словом, почти все свое состояние.

Восхитительна была юная Гано. Ее ланиты рдели, как майская роза, глаза, полные страсти, сразу пленяли сердце зрителя, а ее бешенный смех, черная длинная коса невольно напоминали горный нечистый дух. С детства волей судьбы прелестная Гано, как все горянки, стала пастушкой. Она с утра пасла на соседних холмах стада козлят. 14 лет она провела на этих, покрытых роскошной зеленью, лужайках, оглашаемых говорливым рокотом несущихся с вершин горных ручейков, холодных, как лед, и чистых как кристалл... Гано давно уже знала, что она принадлежит с колыбели Сави, ночкавскому узденю, и здесь, среди своих козлят, пасущихся вольно на лоне чудной природы, она предавалась мечтам о своем женихе, неотвязным грезам о неразлучной с ним жизни. Часто, оставляя вязать чулки, она устремляла томные взоры в ту сторону, где была раскинута деревня Ночкави, а в ней царил пылкий друг ее любящего сердца, ловкий наездник и меткий стрелок Сави. Черные думы, волновавшие юную душу Гано и не раз вырывающиеся в глубоких вздохах, слышали только окрестные горы и спускающиеся к их подножию легкие, как дым, утренние туманы. Гано любила Сави безумно, безотчетно, как любят женщины только в кавказских горах. И вот наступил день, о котором она несколько лет мечтала; воображаемое блаженство, вырастающее вместе с ней, осуществилось, сегодня празднуется ее свадьба с Сави ночкавским.

- Так ты верно узнал, Фако, что гяуры (неверные) хотят овладеть древней Тиби?

- Совершенно так, - ответил Фако, вчера - я был в Цхинвалах за покупкой хлеба и на базаре слышал, что русские войска уже двинулись к Тиби, вероятно, с намерением разрушить здание замка.

- Откуда же думает войско вступить в нашу деревню, когда кругом нее все уже покрыл ледник? Как они доставят сюда пушки? А солдаты не боятся тут замерзнуть?

- Об этом ничего не могу вам сказать: из опасения сделаться пленником грузинских князей я поспешил обратно,- ответил лаконично Фако.

Сын Кико, Фируза, спокойно заметил, что им опасаться гяуров нечего, так как горцы только перед пушками не могут устоять, а пушки доставить в горы невозможно. Присутствующие согласились с ним и все же решили приготовиться к приему неожиданных и неприятных гостей.

Собравшееся в замок Кико Тотошвили общество для обсуждения мер против русских разошлось в твердом намерении защищать до последней капли крови свои пепелища. Им недолго пришлось ждать. Слова Фако вскоре оправдались. Через 3 дня русское войско приближалось к деревне Тиби и расположилось лагерем на Донярском поле.

Наступила холодная ночь. Солдаты развели костер и уселись вокруг него. Гяуры вели оживленную беседу о величественных видах Кавказа, о неприступных скалах и свободолюбивых горцах.

Вдруг послышался топот коней. Стража встрепенулась. Прошло несколько минут, и в лагерь въехал молодой осетин в черкеске, обвешанный оружием.

- Что тебе нужно? – спросил истомившегося путника один из грузин, бывший в русском войске.

Я пришел оказать вам услугу – взять деревню Тиби, начал он взволнованным голосом, - но с одним условием: я сын Кико и люблю одну девушку тибской общины. Прошу ее мне подарить.

- На что тебе наше содействие? Можешь жениться без нас! – ответил насмешливо грузин.

- Не могу,- возразил осетин, потому что мой отец, Кико, не позволяет.

Осетин, вступивший в переговоры с русским войском, был Фируза, сын Кико. Русский командир обещал дать ему красивую девушку и много добычи, если Фируза исполнит свое слово и укажет ближайшую тропинку к замку Кико. Через некоторое время войско уже следовало за Фирузой по узкой тропе среди нависших скал и мрачных пропастей. Ночь была холодная. Мороз трещал. Небо было усеяно множеством звезд, равнодушно взиравших с заоблачных высот на Кавказ. Луна бросала серебристые лучи на гору Адай – Хох, на вершине которой раскинулось замерзшее озеро. Через это озеро пролегал путь пробирающихся к замку Кико. Но озеро оказалось ненадежной дорогой: будучи недостаточно крепким, лед надломился, и под ним очутилась одна рота солдат, другие же были замечены тибийцами и перебиты или взяты в плен. В числе последних был и сын Кико, несчастный Фируза.